

Труды отдела древне-русской литературы

Том I

УДК 82.09
ББК 83.3
Т11

Т11 Труды отдела древне-русской литературы: Том I / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 362 с.

ISBN 978-5-458-43244-3

"Труды Отдела древнерусской литературы" являются главным печатным органом Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома (Институт русской литературы РАН). Это ежегодное серийное издание было задумано сразу же по созданию Отдела, в 1934 году вышел в свет его 1-й том. На страницах ТОДРЛ публикуются статьи, посвященные самым разнообразным вопросам русистики, как источниковедческого, так и общетеоретического характера. Здесь публикуются новонайденные памятники письменности, обзоры и описания различных рукописных собраний, издаются текстологические исследования, работы по поэтике древнерусской литературы, библиографические обзоры и т. д.

ISBN 978-5-458-43244-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1933 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания академик *А. С. Орлов*

Технический редактор Л. А. Федоров. — Ученый корректор А. А. Тимоньт

Сдано в набор в марте 1933 г. — Подписано к печати 10 декабря 1933 г.

360 стр.

Формат бум. 72×110 см. — $22\frac{1}{8}$ печ. л. — 48804 тип. зн. в л. — Тираж 2000

Ленгорлит № 16991. — АНИ № 98. — Зак. № 589.

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Ф. Ржигга. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист	5
<p style="margin: 0;">I. Общественное зло в обличениях Максима Грека. § 1. Обличения монашества у Максима Грека. § 2. Отношение обличений Максима Грека к полемической деятельности Вассиана Патрикеева. § 3. Черты, вновь подмеченные Максимом Греком, и параллели к ним из тогдашней литературы. § 4. Обличения белого духовенства в Слове по поводу тверского пожара в 1537 г. § 5. Параллели к обличениям белого духовенства. § 6. Позиция Максима Грека и Стоглав. § 7. Обличения боярства у Максима Грека. § 8. «Слово о неизглаголанѣмъ божии промыслѣ, благи же и челоуколюбии, в томъ же и на лихоимствующимъ» — как обличение злоупотреблений административной и судебной власти на местах. § 9. «Слово, пространѣе излагающе, съ жалостію, настроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія» — иносказательный памфлет на правительство Елены Глинской. — II. Взгляды Максима Грека на власть и ее задачи во внутренней и внешней политике. § 10. Принципиальный взгляд Максима Грека на отношение светской и духовной власти и его формулировки. § 11. «Главы поучительныи начальствующимъ правовѣрно», дидактическое произведение, написанное для молодого Ивана Грозного (около 1548 г.). § 12. Максим Грек и реформы 1550—1551 гг. § 13. Новооткрытое послание Максима Грека молодому Ивану Грозному (весной 1551 г.). § 14. Мысли Максима Грека об отношении царя к духовенству, боярству и воинству. § 15. Нищие и убогие в концепции Максима Грека. § 16. Максим Грек и внешняя политика. Вопрос об отношении к Константинопольскому патриарху. § 17. Мечты о возрождении Византии и судебные обвинения Максима Грека в 1525 и 1531 гг. § 18. Послание Василию III по поводу нашествия крымского хана Магмет-Гирея в 1521 г. § 19. Благодарственное слово о победе над крымским ханом Саип-Гиреем в 1541 г. — III. Итоги исследования. — Приложение: Неизданные сочинения Максима Грека: 1. Послание великому князю Василию III. 2. Послание царю Ивану IV (1551 г.). 3. Отрывок об Александре Македонском.</p>	
А. Д. Седельников. Следы стригольнической книжности	121
М. Н. Сперанский. Эволюция русской повести в XVII веке	137
В. П. Адрианова-Перетц. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века	171
В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. По неизданному Тихонравовскому списку с варгантами по всем известным спискам	249
М. А. Яковлев. Сравнительный метод в исследованиях о русской литературе эпохи феодализма	299
З. Н. Перетц. К вопросу о сравнительном методе в литературоведении	327
В. Н. Перетц. Академическое издание Моления Даниила Заточника.	341
М. Н. Сперанский. Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древне-русской литературы	351

В. Ф. РЖИГА

Опыты по истории русской публицистики XVI века

Максим Грек как публицист

Публицистическая деятельность Максима Грека, являющаяся предметом настоящего опыта, полна глубокого методологического интереса. Хронологически она захватывает свыше 30 лет с конца второго десятилетия до начала 50-х годов XVI века и таким образом проходит через все важнейшие стадии публицистики первой половины этого века. При широком захвате деятельность эта представляет собою сложное идеологическое образование, требующее углубленного анализа, который, вскрывая традиционные религиозные формы средневековья, должен выявить выраженные в них общественные тенденции и в результате бросить свет на сложность развертывавшейся тогда классовой борьбы.

Предлагаемое исследование основано не только на изучении напечатанных уже сочинений Максима Грека, но и на разработке его литературного наследия по рукописным материалам, чем и объясняется приложение к работе, в котором впервые издаются тексты трех найденных публицистических произведений исследуемого автора.

I. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗЛО В ОБЛИЧЕНИЯХ МАКСИМА ГРЕКА

Отдельные обличительные слова Максима Грека часто носят заглавия слишком общего характера, по которым может показаться, что мы имеем дело с обличением пороков вообще: «Слово о неизглаголаннѣхъ божіи промыслѣ, благости же и челоуѣколюбіи, в томъ же и на лихоимствующихъ» и проч. При ближайшем знакомстве с содержанием таких слов оказывается однако, что все они имеют определенное общественное назначение, в каждом отдельном случае относится к известной общественной группе и хотя обличение ведется в широкой отвлеченной перспективе, однако оно никогда не теряет конкретной точки своего

приложения. В одних словах обличается монашество вместе с высшими представителями его, в других белое духовенство, в третьих боярство.

§ 1. Наиболее раннее из произведений Максима Грека, посвященных обличению монашества, это, повидимому, — «Повесть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ»,¹ которую есть основание считать написанной до 1525 г. (до первого суда над Максимом Греком).²

Здесь Максим Грек в идеальном свете рисует образ жизни католических монахов картезианцев и организацию их ордена. Нестяжательность латинских монахов, их преданность своему обету, принятый у них порядок избрания игуменов он ставит в пример русскому монашеству. Изображая, как живут картезианцы, как питаются милостынею, получаемой ежедневно от жителей города, как провикнуты они духом нестяжания, как верны своей обители, Максим Грек ассоциирует по контрасту то отрицательное, что видит в русском быту. Говоря о латинских монахах, он восклицает: «Гдѣ у нихъ, особливо нѣкое желаемо брашно или питіе, или оwoць нѣкій, или ино что наслажающе гортань? гдѣ у нихъ стяжанія злата и серебра? гдѣ у нихъ празднословіе или сквернословіе, или смѣхъ безвремененъ и безчиненъ? піянство же и преизлишнее сладкихъ яденій ниже слышатся у нихъ, сребролюбіе же и лихоиманія, и росты, и лукавый нравъ мерзко у нихъ и проклято слышаніе, одѣянія же ихъ власяна и вся бѣла, чистоту житія ихъ и пребывав'я образующа, лжа же и ослушаніе и прекословіе исчезоша вся у нихъ въ конецъ. Гдѣ у нихъ отметаніе обѣтъ, ихъ же даша богови, внегда стригоша власы? Никакоже убо обрящеши, много трудився. Но ниже ину обитель по прехожденію частому знаютъ, яко же мы преходимъ безчинно и кромѣ обѣтъ нашихъ отъ обители нашея ко иной, легкостію нашего ума, преслушающе бога и спаса нашего». . .³ А игумены их? Они отличаются смиренномудрием; не увидишь у них жезла в руцѣ, не увидишь их украшенными лучшей одеждой, чем братія. Время от времени настоятели монастырей созываются генералом ордена на соборы для обсуждения и решения вопросов устройства и исправления обителей. На этих соборах рассматривается и деятельность отдельных игуменов, смещаются и подвергаются эпитимиям

¹ Каз. изд. III (1897 г.), стр. 145—167. Сокращенная ссылка «Каз. изд.» как здесь, так и далее указывает на «Сочинения Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии». Казань. Ч. I, 1-е изд. 1859 г., 2-е изд. 1894 г.; Ч. II, 1860 г.; Ч. III, 1-е изд. 1862 г., 2-е изд. 1897 г.

² Это хронологическое приурочение основано на свидетельстве Зиновия Отенского, см. «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Сочинение инока Зиновия, стр. 893, 894. Казань. 1863.

³ Каз. изд., III (1897), стр. 149, 150.

те из них, которые безчинно и не по уставу управляют братией, на место них выбираются новые. Здесь же избирают генерала ордена, на обязанности которого лежит постоянно объезжать игуменов и наблюдать, как правят они монастырями. И эта общая организация монашества представляется Максиму Греку весьма привлекательной. Он предлагает, чтобы и у нас игумены монастырей избирались соборами, и не дарами «сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ»¹ ищущими игуменской власти. Он призывает вообще подражать католическим монахам в исполнении евангельских заповедей: ибо подобно тому, как латвияне, прилежно исполняя заповеди, не достигают совершенства из-за своих ересей, так и православных не может сделать совершенными одна православная вера, если они не усвоят себе «евангельскихъ заповѣдей прилѣжно дѣлание».²

К первым выступлениям против стяжательного монашества Максима Грека приводило не только его общее мирозерцание, но также и рано установившаяся близость его к нашему поборнику нестяжательности — Вассиану Патрикееву.³ Вассиан энергично отстаивал идеи нестяжания еще при жизни Иосифа Волоцкого (ум. в 1515 г.⁴), а незадолго до приезда Максима перерабатывал Кормчую, где защитники монастырских вотчин находили опору своим доводам. С приездом святогорца, Вассиан воспользовался его помощью для перевода некоторых церковных правил Кормчей с греческого подлинника. И Максим оказал ему важную услугу, разъяснив своим переводом, что «*πρῶσταιον*» греческого текста должно переводиться не «монастырские села», как переводилось у нас раньше, а «приградие сельное», то есть, что тут разумеются пашни и виноградники, а не села с крестьянами. Известно еще, что Максим Грек знакомил Вассиана с порядками монашеской жизни во Святой горе, о чем свидетельствует особое

¹ Ibid., стр. 152.

² Ibid., стр. 165.

³ Наиболее раннее свидетельство, относящееся к общению Вассиана с Максимом в то время, когда последний еще плохо знал русский язык, сохранилось в виде заметки самого Вассиана в его Кормчей. Вероятно, отвечая на вопросы своего собеседника: «Максимъ Грекъ сказывалъ, что псалтырю толковую преводилъ съ греческого языка на русьской: правила переводилъ по гранем и по главамъ Фотѣй, митрополитъ Константинаграда, а толковники кажетъ: 1—Иоаннисъ Зонарасъ, мнихъ, 2—патріархъ антиохійскій Феодоросъ Валсамонъ, 3—Матвееосъ, іеромонахосъ, 4—Арменопулосъ. 5—Хоматиносъ, архиепископъ архидійскій». (Бывш. Архив мин. ин. дел, Моск. гос. древлехранилище, V отдел, рубрика I, № 17, полуустав XVI в., л. 21, в Госуд. архиве феод.-крепостн. эпохи в Москве). Приведенную заметку см. также у А. Павлова «О Кормчей князя Вассиана Патрикеева». Учен. зап. Каз. унив., 1864, вып. II. Любопытны греческие формы имен.

⁴ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, стр. 71—76, Одесса, 1871.

сказание его «ко старцу Вассиану о Святой горѣ».¹ Личные беседы, вероятно, разнообразные и живые, могли еще более углублять принципиальную и фактическую солидарность обоих нестяжателей. Во всяком случае раннее обличение монашества в «Повести страшной и достопамятной» не является со стороны Максима Грека неожиданным. Здесь в этой повести особенно интересно не только то, что в пример ставятся порядки католического ордена, но замечательна и открытая форма обличения; таково, например, определенное указание на подкуп представителей светской власти как средство достижения игуменского сана. Понятно, что впечатление, произведенное повестью на современников, было велико. Много лет спустя Зиновий Отенский в своем «Истинны показани», вспоминая то время, когда Вассиал и Максим были на свободе, энергично возражал на Максимову повесть. Он старался прежде всего заподозрить перед своими собеседниками, клериками нравственную последовательность Максима, указывая на противоречие между его требованиями нестяжательности и роскошной трапезой, получаемой от великого князя. Он отказывался видеть преимущество латинского монастыря в том, что монахи питаются милостыней, собираемой среди жителей города два раза в неделю; милостыней питаются и русские монастыри; разница только в том, что они получают ее в виде доходов с деревень, которые собираются раз в год. Вопрос о содержании монастыря должен решаться в зависимости от естественных условий данной среды: не все, что хорошо в другом месте, например в Египте, удобно у нас, и Максим, по мнению Зиновия, явно писал свою повесть только для того, чтобы укорить русские монастыри: иначе, почему не привел он в пример Святой горы или какого-нибудь греческого монастыря. Если так рассуждал Зиновий,² признававший ученость Максима и нравственную высоту обоих «нестяжателей», впоследствии достигнутую страданиями многолетнего заточения, и потому называвший их «преподобными», то как должны были отнестись к повести рядовые иосифляне? Прямых свидетельств об этом у нас нет. Но ответ ясен, повесть и, вероятно, отдельные беседы Максима с разными лицами рано убедили иосифлян, что Максим — на стороне их врагов. Это впечатление осталось зафиксированным в так называемом «письме о нелюбках»: «Как не стало

¹ Каз. изд., III (1897), стр. 197, 198. Это сказание относится, конечно, к первым годам пребывания у нас Максима, так как самим Вассианом было введено в состав его Кормчей, где и читается, например, в списке б. Архива мин. ин. дел Моск. гос. древлехранилища, V отдел, рубрика I, № 17, л. 335 об. — в Госуд. архиве Феод.-крепостн. эпохи в Москве.

² Зиновий. «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи», стр. 890 — 899, Казань, 1963 г.

старца Нила, а ученикъ его князь Вассіянъ Косой, князь Ивановъ сынъ Юрьевича, и нача сей князь вельми побогати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ, и съ нимъ сташа иные старцы, съ ними жъ святогорцы. Се же бысть при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Русіи».¹ Огненные судьба Максима и Вассиана была тесно связана. Собор 1531 г., представлявший акт расправы иосифлян с их противниками и в особенности с Вассианом² по главному вопросу о вотчинах монастырей, предъявил обоим подсудимым аналогичные обвинения. Вассиана обвиняли в том, что он чудотворцев, владевших селами и крестьянами, называл смутотворцами и отказывался почитать вновь канонизованных Макария Колязинского и митрополита Иону; между тем как соответствующий пункт обвинения Максима Грека был формулирован так: «Да ты же, Макс мъ, святыя божія соборныя и апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣюгъ, а и въ вашихъ монастырѣхъ, во Святой горѣ, и въ иныхъ мѣстехъ въ вашей земли и у церквей, и у монастырей села есть, да и въ писаніихъ отеческихъ писано: велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ. Да ты же, Максимъ, святыхъ чудотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Ионы, митрополитовъ всеа Русіи, и преподобныхъ чудотворцовъ Сергія и Варлаама, и Кирилла, и Пафнотія, и Макарія, укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: зане же они держали города и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имѣли, ино имъ нелзѣ быти чудотворцомъ».³ Как известно, обе части приведенного обвинения лишь в некоторой степени соответствовали действительности. Максим так же, как и Вассиан, был противником вотчиновладения только монастырей, а не соборных церквей. Далее, по справедливому замечанию Голубинского, «более чем вероятно, что обвинение, будто Максим не признавал наших чудотворцев за чудотворцев есть или просгой собственноый вывод митрополита из его полемики против вотчиновладения монастырей, или усвоение ему того, что в значительной степени справедливо было по отношению к Вассиану».⁴ Таким образом Максим и Вассиан по вопросу о монастыр-

¹ Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе. Ч. X, стр. 505, 506, Москва, 1851 г.

² С. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. П. 1922, стр. 71.

³ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Моск. унив., 1847 г., № 7. «Прѣвие Данила, митрополита Московского и всеа Руси, со инокомъ Максимомъ святогорцемъ», стр. 5, 6.

⁴ Голубинский. История русской церкви, II, первая половина, стр. 725.

ских вотчинах несли обвинения, сливавшиеся в представлении их врагов, и карой обоих была монастырская тюрьма. Вассиан, вероятно, вскоре умер, изнуренный тяжестью заточения; Курбский даже считает его смерть насильственной.¹ И Максиму Греку в первое время заточения в Твери (теперь гор. Калинин) было не менее тяжело, чем в предшествовавшие годы Волоколамского заключения: его страдания отразились в кратком обращении к своей душе, составленном в 1532 г. и сохранившемся под заглавием: «Сіа словеса сотворил ест інок в темницы затворен і скорбя, іми же себе утѣшаше і утверждаше в терпѣніи вѣ 7040-ное лѣто».² Но, надо думать, скоро участь Максима была несколько облегчена: он был освобожден от оков. Житие Максима, хотя и во многом малодостоверное, объясняет эту перемену за тупничеством тверского епископа Акакия, который «посетил Максима Грека в темнице и, будучи в Москве, упросил вел. князя Василия Ивановича оказать милость заключенному ради здравия новорожденного сына Ивана (IV), снять с него оковы и облегчить его заключение».³ Во всяком случае в 1532 г. в оковах и вскоре затем в облегченных условиях Максим Грек писал,⁴ и первые годы его жизни в Твери замечательны тем, что с ними связаны важнейшие сочинения Максима, содержащие в себе обличения монашества.⁵ Храня неизменно аскетический

¹ Сочинения кн. Курбского, т. I, стр. 164. СПб., 1914. Русская историческая библиотека, т. XXXI.

² Так читается данное заглавие в ркп. Общ. любителей древн. писъм., О. CLXXVI (6461), полууст. XVI в., л. 289 (см. Описание Хр. Лопарева, ч. III, стр. 220, теперь в Публ. библ. в Ленинграде). Ср. Каз. изд. II, стр. 452, где даты нет.

³ Цитирую по В. С. Иконникову. Максим Грек и его время, стр. 497. Изд. 2-е, Киев, 1915.

⁴ В пользу этого говорит также запись на некоторых сборниках сочинений Максима, относящихся к XVI в., что Максим начал составлять эту книгу «в лѣтех осмыа тысящи, 40-ному лѣту наставшу» (т. е. в 1532 г.) (ркп. б. Общ. люб. др. писъм., О. CLXXVI (6461), XVI в., ркп. Каз. дух. акад. № 309 (497), к. XVI в., см. также: Голубинский. Ист. русской церкви, т. II, I, стр. 804).

⁵ Таковы в особенности: 1) «Инока Максима Грека стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ, мѣ же стязующихся Филоктимонъ да Акимонъ, сирѣчь любостязательный да нестязательный» (ч. II, стр. 89—118). 2) «Инока Максима слово о покаяніи велми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его» (ч. II, стр. 119—147). 3) «Инока Максима Грека слово душеполезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуетъ умъ къ души своей въ нем же и на лихоимство» (ч. II, стр. 5—52). Вопреки мненію Иконникова, Павлова и митр. Филарета, эти произведения следует считать написанными не до 1525 г., а между 1531 и 1537: а) «слово о покаянии» и «беседа ума с душой» упоминаются самим Максимом Греком в «Отвѣтъ въкратиѣ къ святому събору о нихъ же оклеветанъ бываю» (Москвитянин, 1842 г., № 11, стр. 85) наряду со словом по поводу тверского пожара 1537 г. б) «слово о покаянии» и «преніе» нестязателя с любостязателем вызвали хронологически показательный упрек Зиновия Отенского, будто Максим написал их в досаде на свое заточение (см. «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Сочинение инока Зиновия, стр. 908, 909. Казань, 1863).

идеал и продолжая неустанно его проповедывать, Максим Грек вместе с тем внимательно вскрывал отрицательные стороны современного стяжательного монашества. Говоря о вопиющем противоречии его жизни заветам Христа, обличитель почти не называет обличаемых, он редко говорит: «иноки», «игумены», «архимандриты» «епископы», он избирает отвлеченную форму: беседу ума с душой, диалог Филоктимона с Акимоном. «Душеполезная» проповедь монашеству неразрывно сливается с изображением основного зла тогдашнего монастырского уклада: эксплуатации крестьянской массы. Тяжелое положение монастырских крестьян рисуется определенными, красноречивыми чертами. Максим говорит о бедных поселянах, беспрестанно томимых «лихвами губительными»,¹ притесняемых налогами и «богомерскимъ рѣзоимствомъ».² Требуя процентов за ссуды, монахи бичуют крестьян: «бичи ихъ истязують за лютыхъ сребра рѣзоиманій»,³ а кто не может отдать, тех лишают свободы, записывают в рабство, или, отняв имущество у своих должников, выгоняют их из своих сел вместе с женой и детьми с пустыми руками. В различных местах в сходных выражениях Максим Грек не устает повторять одну и ту же печальную картину: «отдати же неимущихъ или свободы лишили ихъ и раби себѣ прочее писаша ихъ, или обнаживше ихъ имѣній ихъ, руками тощими, своихъ предѣлъ отгнаша бѣдныхъ».⁴ В другом слове еще выразительнее: «Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтьми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ».⁵ В третьем слове об этих страданиях «тружающихся» читаем еще подробнее: «Мы же не точію безчювственно и безмилостно къ той горцѣй ихъ скудости пребываемъ и ни единого утѣшенія ихъ сподобляемъ, да еще заповѣдь имуще милостивно прилежати о живущихъ въ убожествѣ и скудости житейскихъ потребахъ, но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ истязаніи повселѣтными тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ, николи же оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе, аще и десятижды воспріимемъ истину заемнаго; не точію же сямъ образомъ озлобляемъ ихъ, но аще кто за послѣднюю нищету не можетъ дати готовый ростъ въ приидуцій годъ, оле безчеловѣчія! другій ростъ истязуемъ отъ него, и аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ и отъ сво-

¹ Каз. изд., II, стр. 32.

² Ibid, II, стр. 34.

³ Ibid., II, стр. 38.

⁴ Ibid., II, стр. 38.

⁵ Ibid., II, стр. 100.

ихъ сель гонимъ руками тцими... Къ сим же; аще кто отъ нихъ изнемогъ тяжестію налагаемыхъ имъ беспрестани отъ насъ трудовъ же и дѣланій, восхоцетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпускаемъ его, увы, аще не положить уставленный оброкъ, о нем же толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ; бесчисленныхъ трудовъ и потовъ и страданій его, их же положилъ въ нашихъ потребныхъ служеніихъ забывше время бѣднаго его житія, еже въ селѣхъ нашихъ, зѣло безчеловѣчнѣ предаемъ». ¹ Возгордившись «властью сель», монахи смотрят на крестьян, как на рабов, уморяют их всевозможными монастырскими работами внутри и вне монастыря, ² «частыми тягостми трудовъ всяческихъ», и «аще нѣгдѣ прегрѣшатъ», заключают в оковы железныя. ³ Забывшее свои обеты монашество думает только об увеличении своих богатств, о новых стяжаниях, о стадах скота, между тем как трудящиеся на него крестьяне «в скудостѣ и нищетѣ всегда пребываютъ», терпят ужасные лишения «ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты». ⁴

Высокими податями, тяжелым обязательным трудом, лихвенными процентами за ссуды, и наконец, полным порабощением крестьян не исчерпываются все виды монашеского гнета. Максим Грек говорит еще о двух формах угнетения: о присвоении монахами земельной собственности крестьян и соседей с помощью судебных тяжб и о спекуляции с хлебом. Провикнутую корыстью страсть к тяжбам, которые разрешались не только словесными спорами, но и поединками, Максим изображает в следующих строках беседы ума с душой: «Селица же ради къ судилищу учащаетъ и сварится зѣло съ своими соперники и словесемъ силою на ня не могуци, обвинити же их зѣло желаючи, оружїи въ полѣ разсудитися молить судящихъ прѣ своей . . . за малую землицу, и сію многажды не свою, противу суперниковъ своихъ оружїи, увы, противится, ниже бога самого отнюдѣ трепещущи, ниже свидѣтелій самѣхъ ангельскихъ чинѣ, предъ ними же изволила нестяжательное житіе . . . Како же кротость и смиренное мудрованіе и священное безмолвіе стяжеши себѣ, яже яростію и прѣнїи, яже о земляхъ и къ самѣмъ селяномъ и къ сосѣдомъ своимъ, аще обидяще въ чемъ явятся, обдержима часто и невоздержно, тщащися противу оскорбити ихъ, аки враговъ». ⁵

¹ Каз. изд., II, стр. 131, 132.

² Ibid., II, стр. 98.

³ Ibid., II, стр. 38. См. еще аналогичные места: II, 94, 105.

⁴ Ibid., II, стр. 130, 131.

⁵ Ibid., II, стр. 42.